

DOI: 10.47026/2712-9454-2025-6-1-47-70

УДК 94:354:37(470.344)"1925/1940"

ББК 86.38-12+63.3(2)613-72

А.Н. СТАРОСТИН, С.О. СОХИБОВ

ФОРМЫ И ПРАКТИКИ АТЕИСТИЧЕСКОЙ АНТИИСЛАМСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В РЕГИОНАХ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В 1920-е ГОДЫ*

Ключевые слова: атеизм, ислам, мечеть, имам, коммунисты, пропаганда.

Тематика государственно-конфессиональных отношений в России является одной из значимых проблем как в области исторических исследований, так и в современной политической, общественной, социальной и культурной жизни общества. Одним из не до конца осмысленных аспектов является тема антирелигиозной пропаганды, носившая настолько масштабный характер, что система стереотипов, заданная в советский период атеистической пропагандой, пребывает в массовом сознании до сих пор. В связи с этим представляется наиболее важным проанализировать период становления данного направления советской политики в 1920-е гг., поскольку именно в это время было положено начало переформатирования сознания населения страны с религиозного на атеистическое. Особый интерес представляет работа с этноконфессиональными меньшинствами, в частности с народами, исповадовавшими ислам, поскольку большинство из них в тот период не знали русского языка и были глубоко укоренены в своей религиозной традиции. Представляя этноконфессиональное меньшинство, живущее в инокультурном окружении, мусульмане Урало-Сибирского региона достаточно стойко сопротивлялись атеистическому воздействию, поэтому пропагандистам приходилось творчески подходить к решению этой проблемы и использовать разные способы идеологического воздействия. Важно также и то, что сформировавшийся в этот период набор аргументов, который использовался для критики исламского вероучения, потом воспроизводился в атеистических антиисламских сочинениях пропагандистов вплоть до конца существования СССР.

Цель исследования – проанализировать практики, формы и эффективность атеистической работы с мусульманским населением Урала, Сибири и Дальнего Востока, направленной на отрыв данной группы населения от религиозной традиции и уменьшение влияния духовенства.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили научные работы, отражающие различные аспекты государственно-исламских отношений в 1920-е гг., опубликованные и впервые вводимые в научный оборот документы государственных архивов ряда регионов азиатской части России (государственные архивы Свердловской области, Новосибирской области, Хабаровского края, Национальный архив Республики Бурятия), отражающие деятельность партийно-государственных органов по работе с национальными меньшинствами, региональных отделений «Союза воинствующих безбожников» и других институтов советской власти. В ходе проведения исследования использовались общеоисторические методы анализа и обобщения, а также специально-исторические методы, такие как проблемно-хронологический, историко-сравнительный и структурно-функциональный.

Результаты. Антирелигиозная пропаганда в 1920-е гг. носила преимущественно дискуссионно-полемический характер. Практиковались такие формы проведения антирелигиозных мероприятий, как диспуты и дискуссии атеистов с представителями духовенства, создание альтернативной общественно-праздничной традиции взамен религиозных (проведение «комсомольских рамаданов и байрамов», организация спектаклей, лекториев, иных интересных для молодежи мероприятий в дни празднования Ураза- и Курбан-байрама, проведение церемоний комсомольских имянаречений), кружковая работа, лекции на атеистическую и естественно-научную тематику, кинопоказы и многие другие. Особый упор делался на детей, молодежь, женщин и рабочих. Использование как опубликованных, так и неопубликованных архивных материалов из разных регионов показывает, что агитаторы сталкивались с одинаковыми проблемами, такими как сопротивление мусульманского

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Панисламизм и пантюркизм: исторический, современный и прогностический дискурс в лицах и событиях», № 24-28-00188.

духовенства, нехватка разбирающихся в религиозных вопросах лекторов, приверженность мусульманского населения религиозным традициям. Практиковались различные формы проведения агитационных мероприятий.

Выводы. 1920-е гг. являлись начальным этапом в развитии атеистической пропаганды в Советском государстве. Этот период можно охарактеризовать как «пробу пера», когда пропагандисты экспериментировали, пытались применять различные формы и методы агитационной работы, включая полемику с духовенством, создание новых традиций и обрядов, создание новых учреждений досуга и получения знаний, которые призваны были заменить мечети и вывести различные категории населения из-под их влияния. Основные трудности в проводимой работе представляли незнание мусульманским населением русского языка, приверженность религиозным традициям, острая нехватка агитаторов, знающих суть исламского вероучения, а также атеистов из числа татар, башкир и казахов. Вследствие сопротивления представителей мусульманского духовенства проводимой агитационной работе постепенно начинают применяться методы административно-ограничительного характера: было сокращено преподавание религии, одни представители мусульманского духовенства были включены в категорию «лишенцев», другие – подвергнуты репрессиям. Несмотря на принимаемые меры, существенных успехов в деле атеистической пропаганды в отношении мусульманского населения добиться не удалось, поэтому наряду с антирелигиозной агитацией, которая все больше проводилась в форме лекций, было принято решение произвести замену арабского алфавита вначале на латинский, а потом и на кириллический, чтобы оторвать массы мусульманского населения, прежде всего молодежь, от вековых традиций, а также был взят курс на силовое решение «религиозного вопроса» путем закрытия мечетей и массовых репрессий против духовенства и наиболее активных верующих. Наряду с этим, учитывая ошибки прошлых лет, продолжала развиваться и совершенствоваться система атеистической пропаганды, которая активно проводилась на протяжении всех последующих лет существования СССР.

Введение. В связи с включением в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», более известной как «оскорбление религиозных чувств верующих», и появлением практики привлечения по данной статье лиц, в том числе являющихся воинствующими атеистами, к уголовной ответственности, государство четко выразило свою поддержку традиционным конфессиям, как системообразующим общественным институтам, стоявшим у истоков российских традиционных духовно-нравственных ценностей. Ровно сто лет назад ситуация была зеркально иной: в стране всячески поддерживалось безбожие, проходила свое становление система атеистической пропаганды и преследовались верующие. Период 1920-х гг. интересен для изучения тем, что еще не в полной мере применялся силовой аппарат, а большевики-атеисты пытались изменить общественное сознание силой слова, порой даже вступая в полемику с религиозными деятелями, в том числе с муллами. Те, в свою очередь, также проводили собственную агитационную работу, пытаясь сохранить население в лоне исламской религии. Исторические материалы из архивов Урала, Сибири и Дальнего Востока показывают, что и во второй половине 1920-х гг. их влияние было по-прежнему заметным. Невозможность силой слова переманить значительную часть мусульманского населения на свою сторону и привести к распространению в их среде атеистического мировоззрения в конечном счете привело к началу политики силового уничтожения руководства мусульманских общин и ликвидации мечетей.

Цель исследования – проанализировать практики, формы и эффективность атеистической работы с мусульманским населением Урала, Сибири и Дальнего Востока, направленной на отрыв данной группы населения от религиозной традиции и уменьшение влияния духовенства.

Материалы и методы. В основу статьи легли материалы ряда научных исследований, отражающих различные аспекты государственно-исламских отношений в 1920-е гг. Ю.Н. Гусева [10], Н.А. Дадонова [12], Н.Е. Жумаев, Г.А. Окулова, Т.А. Сметанина [17], И.Б. Гарифуллин, А.П. Ярков [20], В.Г. Кокоулин, А.Р. Рахматуллина [27], З.Н. Сокова [40], Р.Ш. Хакимов [46], А.Б. Юнусова [49] и другие исследователи изучали проблемы правового положения мусульманских общин в различных регионах страны, притеснения мусульманского духовенства в решении вопросов проповеднической и образовательной деятельности, пропаганды атеизма и другие аспекты политики советской власти в отношении мусульманских общин в первое десятилетие существования СССР. При написании статьи также использовались как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот документы государственных архивов ряда регионов азиатской части России (государственные архивы Свердловской области, Новосибирской области, Хабаровского края, Национальный архив Республики Бурятия), в которых показана работа партийно-государственных органов с национальными меньшинствами, региональных отделений «Союза воинствующих безбожников» и других институтов советской власти. В ходе проведения исследования использовались общеисторические методы анализа и обобщения, а также специально-исторические методы, такие как проблемно-хронологический, историко-сравнительный и структурно-функциональный.

Результаты исследования. Известный российский мыслитель Николай Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма», написанной в 1937 г. в Европе, рассуждая о причинах лютой ненависти коммунизма к религии, пришел к выводу, что коммунизм по сути также является религией. «Коммунизм ортодоксален, всеобъемлющ, тотален, он не терпит отклонений ни вправо, ни влево, любое отклонение признается ересью, но «различие между ортодоксией и ересью есть различие религиозное, теологическое, а не философское и политическое, – пишет Н.А. Бердяев. – Когда политика поставлена под знак ортодоксии, то государство рассматривается как церковь и неизбежно преследование за верования и мнения... Иногда кажется, что советская власть скорее пойдет на восстановление капитализма в экономической жизни, чем на свободу религиозной совести, свободу философской мысли, свободу творить духовную культуру» [3. С. 138–139].

Рассматривая распространенные среди населения России религии как конкурентов коммунистической идеологии, с первых лет существования советской власти партийно-государственными органами начала проводиться планомерная работа по осуществлению атеистической пропаганды и отрыву населения от религии. Касалось это и мусульманского населения в целом, и проживающего в Азиатской части страны в частности. Согласно данным дореволюционной статистики, на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока¹ численность народов, традиционно исповедовавших ислам, по всероссийской переписи 1897 г. превышала 470 тыс. человек (а их доля от общего числа населения на Урале составляла 8,4%, в Сибири – 3,6%, на Дальнем Востоке – 0,7%), действовало более 600 мечетей, в которых служили более 1400 мусульманских духовных лиц [50. С. 93, 139, 150, 166, 172, 177, 189].

¹ В пределах границ современных Пермской области, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Уже в январе 1918 г. появился орган, отвечающий за реализацию политики большевиков на мусульманском направлении. «В созданной на Втором Всероссийском съезде Советов системе наркоматов был сформирован Наркомат по делам национальностей, в составе которого с января 1918 года действовал комиссариат по делам мусульман, впоследствии именуемый Центральным мусульманским комитетом», – указывает Ю.Н. Гусева [11. С. 98–99]. Почти сразу же в городах Урала и Сибири создаются отделения Комиссариата по мусульманским делам. Так, в начале 1918 г. такое отделение было создано в Перми. М.С. Каменских пишет о том, что 19 июня 1918 г. данное отделение опубликовало в местной прессе два приказа, которые имели идеологическую направленность: «В первом говорилось о создании при Центральном мусульманском комиссариате 1-го Татаро-Башкирского батальона рабоче-крестьянской Красной Армии “для приобщения трудового мусульманства к революционной семье красноармейцев”. Вторым приказом предписывалось местным органам власти создавать военные отделы, которые должны были заниматься набором добровольцев в армию и вести пропаганду, “привлекая в нее сознательный революционный пролетариат”. Начала проводиться достаточно масштабная работа с мусульманским населением, в том числе читаться лекции для рабочих – мусульман на темы “Чехословаки, белогвардейцы, социал-предатели и их вред для мусульманского пролетариата”, “Значение советской власти для крестьян и рабочих мусульман и мелких национальностей вообще”, “Новые реформы народного образования” и др. В октябре в Перми были организованы курсы для агитаторов-мусульман, “учитывая недостаток таковых в уездах Пермской губернии”». Устраивались спектакли революционного содержания, организовывались кружки и курсы, организовывались учительские курсы и клубы. Главной задачей всех этих мероприятий являлось разъяснение ценностей революционных завоеваний как «полного освобождения из-под ига царствующей и диктующей нации». Из материалов, опубликованных М.С. Каменских, видно, что пока большевики воздерживались от антирелигиозной агитации: «Принимая во внимание важность сотрудничества с татарским и башкирским населением, большевики закрывали глаза на религиозную жизнь мусульман. Так, отдельным постановлением местных органов власти татарам и башкирам разрешалось не работать в период проведения праздника “Курбан-байрам”» [26. С. 35–37].

В задачи органов по работе среди национальных меньшинств прежде всего входило разъяснение сущности марксистско-ленинского учения и отношение большевиков к исламу. Широко известно обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» 20 ноября (3 декабря) 1917 г., подписанное В.И. Лениным и И.В. Сталиным. В нем, в частности, говорилось: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными» [27].

Но это было лишь декларацией, а реальная политика была совершенно иной. 25 апреля 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей принял решение ликвидировать «буржуазно-националистические организации», включая центральное и губернские «Милли Идарэ». Тобольское и Тюменское «Милли Идарэ» были разогнаны, а все их дела были переданы во вновь созданные в апреле-мае 1918 г. отделения комиссариата по мусульманским делам

при Тобольском и Тюменском советах рабочих и крестьянских депутатов¹, подчинявшихся исполкому губернского Совета [40. С. 213]. Данные органы также начали проводить агитационно-пропагандистскую работу среди населения. В газете «Тюменский рабочий» отделение комиссариата опубликовало свое первое обращение к мусульманам Тюмени: «... Пробил час. Буржуазная власть в городе сломлена. Власть перешла в ваши собственные руки – советы рабочих и крестьянских депутатов. Но контрреволюция не дремлет, она работает среди вас, призывая к освобождению нации, разжигая в вас национально-религиозные страсти и натравливая против вашего же брата по классу – рабочего, русского. Настал час решительной борьбы с контрреволюцией. Смыкайте свои ряды вокруг социалистического комитета для решительной борьбы с буржуазией» [44]. Во второй половине 1918 – первой половине 1919 г. в связи с временным переходом Урала и части Западной Сибири под контроль белой армии А.В. Колчака работа данных органов была временно приостановлена, однако почти сразу после отступления белых возобновилась.

Работа с национальными меньшинствами по разъяснению ценности революционных завоеваний для агитаторов предстояла большая и тяжелая, поскольку основную массу мусульманского населения в Азиатской части России представляли татары, башкиры и казахи (до середины 1930-х гг. именовавшиеся киргизами), занимавшиеся сельским хозяйством, земледельческим или кочевым, в основной своей массе не владевшие русским языком и глубоко религиозные. Характеризуя мусульманское население Енисейской губернии, в феврале 1921 г. один неизвестный представитель партийных органов отмечал: «... занимаются хлебопашеством, живут замкнуто и чужды всякому просвещению. За... [все время] существования сов[етской] власти они не имеют представления о сов[етском] строительстве, РКП(б), питаюсь разными наслышками о коммунии, об уничтожении церкви, религии и духовенства. [Слово] «коммунист» [употребляется] как ругательство». Также он отмечал: «...партийная работа в глухих уголках нашей губернии совершенно не ведется, малые национальности, в особенности мусульмане, далеки даже от понятия социализма вообще, а о коммунизме не имеют никакого понятия и могут служить прекрасным орудием в руках противников сов[етской] власти и являются рассадниками (невольными) самых нелепых слухов и тормозят всякую работу своей невежественностью». Одним из главных препятствий в деле агитации среди мусульман, по мнению данного партийного деятеля, являлось мусульманское духовенство [8. Д. 89. Л. 20–21].

Вполне понятно, что большевики с недоверием относились к мусульманскому духовенству, рассматривая его как классово чуждый элемент и как своих конкурентов в борьбе за влияние на народные массы. Это проявлялось в самых разных формах. Приведем конкретные примеры. В 1921–1922 гг. в Поволжье разразился страшный голод, унесший множество жизней [24. С. 234]. Пытаясь помочь в решении проблемы голодающих Поволжья, Центральное Духовное управление мусульман (ЦДУМ) России создало в Москве для ведения дела помощи голодающим особую комиссию уполномоченных в составе трех членов. 14 декабря 1921 г. ЦДУМ направил наркому по делам национальностей И.В. Сталину специальное послание с просьбой разрешить организовать комитет помощи голодающим, наладить сбор денежных средств, в том числе и за границей, последний ответил согласием [45]. Соответствующие просьбы

¹ В то время губернский центр был переведен из Тобольска, где сильны были позиции противников советской власти, в «пролетарскую» Тюмень.

о помощи были разосланы в мусульманские общины по всей стране. В ответ на инициативу сибирских мусульман оказать помощь голодающим Поволжья на заседании Ново-Николаевского татаро-киргизского бюро Ново-Николаевского губкома РКП(б) местный партийный деятель Ф. Таипов 31 марта 1922 г. сказал: «Духовенство, как реакционная сила вообще, всячески старается использовать голод для своих темных целей, с одной стороны, ведет религиозную агитацию и пропаганду среди татаро-киргизских масс. Служит среди них увеличению всевозможных предрассудков, которыми убивают инициативу и самостоятельность крестьян, с другой стороны, образовав специальные комиссии помголод, вокруг которых группируют[ся] все слои населения, которые усиливают влияние на массу. Необходимо усилить антирелигиозную пропаганду среди широких масс татар и киргиз, открыть борьбу против духовенства, используя для этого всякую возможность препятствовать всеми мерами росту их влияния на массы. Всеми мерами вырвать из их рук широкие слои...» [4. Д. 1519. Л. 53] Можно сказать, что это дало старт антирелигиозной пропаганде в отношении мусульманского населения.

В рамках «кампании по изъятию церковных ценностей», которую вынужден был поддержать патриарх Тихон, призвав верующих и духовенство сдавать все ценности, имевшиеся в храмах кроме чаш для причастия [38. С. 86], реквизиторы пришли и в мечети. Правда, взять там было особо нечего: «Молельная мечети устлана коврами в четыре полосы простыми (крашенными) шириной 3 сажени и длиной 3 сажени, 2 аршина, пять штук белых коленкорových оконных занавесок, и больше в мечети, кроме деревянного подмостка для моления, окрашенного белой краской и обнесенного загородкой, ничего нет, в особенности отсутствуют ценности металлов», – говорилось в описи имущества Градо-Тюменской мечети [20. С. 85–86]. Тем не менее все, что представляло хоть какую-то ценность, например арабграфические книги и волос пророка Мухаммада, хранившиеся в Ембаевском медресе, были изъятые, а ряд мечетей и учебных заведений закрыты. Памятуя о том, что во время контроля над территорией армии адмирала А.В. Колчака часть мусульманского духовенства и верующих активно поддерживали белых, десятки мулл, муэдзинов и членов их семей были лишены избирательных и других прав. Только по Кашегальской волости Тюменской губернии таковых насчитывалось 46 человек [20. С. 94]. Как отмечает священник Виктор Друян, «если поначалу лишение избирательных прав не предусматривало особых ограничений, кроме невозможности служить в армии и принимать участия в выборах в Советы, то... [впоследствии] приобрело не только политический, но и социальный характер, «лишенцы» стали подвергаться дискриминациям в ряде гражданских и социальных прав. Они лишались пенсий, пособий, продуктовых карточек, подвергались выселению из квартир, не имели возможности работать на государственных предприятиях. Детей «лишенцев» часто исключали из школ, не допускали в высшие учебные заведения» [15].

«Последствия этой акции оказались противоречивыми, – считает З.Н. Сокова. – С одной стороны, «красногвардейская атака» на ислам вызвала волну протестов в кругах ортодоксально настроенных верующих и всплеск недоверия к советской власти, с другой – ускорила процесс расслоения в мусульманской среде, сопровождавшийся усилением примиренческого крыла, пытавшегося приспособиться к существующему строю. Учитывая склонность к компромиссу части мусульман, региональные власти внесли определенные коррективы в национально-религиозную политику и, пытаясь изолировать ортодоксов, сделали шаг навстречу примиренческим тенденциям» [40. С. 213].

В соответствии с новым советским законодательством, все культовые учреждения объявлялись народной, а по факту государственной собственностью, но могли быть переданы верующим «в бесплатное и безвозмездное пользование» после регистрации религиозного общества, членами которого должны были быть не менее 20 человек, и заключения договора между ним и государственным органом, контролировавшим культовое сооружение, на передачу здания [13. С. 373–374].

Так, например, в начале 1920 г. все имущество мусульманской мечети г. Иркутска де-факто стало государственной собственностью (народным достоянием). В мае 1920 г. здание мечети по ул. Саломатовской (впоследствии – Карла Либкнехта) и богослужебные предметы были переданы в бессрочное бесплатное пользование созданной на добровольных началах Иркутской магометанской общины. В соответствии с уставом общины, утвержденным Иркутской губернской милицией 29 октября 1923 г., она объединяла совершеннолетних граждан обоего пола магометанского вероисповедания г. Иркутска и его предместий для соблюдения и исполнения обрядов своей веры. Зачисление в члены общины производилось по письменному или устному заявлению на общем собрании открытым голосованием. Основанием для выбытия являлось личное заявление, а для исключения – совершение порочащих общину проступков или уголовного преступления. Списки членов общины ежегодно или по требованию должны были предоставляться в отдел управления Иркутского губисполкома. Средства общины состояли только из добровольных пожертвований, обязательные взносы не собирались. Все доходы и расходы записывались в книги установленного образца. Статьями расхода являлись: плата за аренду земли, страхование имущества, содержание мечети и служителей культа (муллы и муэдзина), проведение молитвенных собраний, организация процесса жертвоприношений, погребение бедных единоверцев и др. Управление общиной осуществляло общее собрание ее членов и Приходское попечительство магометан г. Иркутска (Иркутское приходское попечительство магометан – мутаваллиат). Общее собрание созывалось попечительством ежегодно или при возникновении необходимости для выборов на трехлетний срок членов попечительства и ревизионной комиссии, заслушивания и утверждения отчетов этих органов, выработки общих указаний по их деятельности. Члены попечительства исполняли свои обязанности безвозмездно. Они избирали из своей среды председателя, товарища председателя, казначея (он же завхоз) и секретаря (последний мог приглашаться за плату). Отправление богослужений, производство проповедей допускалось только с разрешения попечительства или его председателя. Попечительству предоставлялось право в случае необходимости для защиты интересов общины в правительственных и судебных учреждениях уполномочивать одного из своей среды или приглашать постороннее лицо. Попечительство осуществляло управление и следило за сохранностью имущества, полученного в бесплатное и бессрочное пользование от местных органов власти, а также пожертвованное (завещанное) общине для богослужебных целей. Вышестоящим органом для Иркутской магометанской общины (вплоть до ее ликвидации) продолжал оставаться ЦДУМ [25. С. 133–134].

Схожую процедуру прошла и мусульманская община г. Верхнеудинска (современный Улан-Удэ) [33. Д. 219. Л. 2–3]. На общем собрании верующих мусульман г. Верхнеудинска 1 августа 1923 г. был принят Устав общины верующих

и выбраны уполномоченные для заключения договора с уполномоченными органами власти «на занятие и пользование вер[ующими] мусульманским молитвенным домом для богослужения». Принятый верующими Устав по своему содержанию являлся типовым [33. Д. 219. Л. 7] и в целом содержал те же пункты, что были уже нами представлены выше, когда речь велась об уставе Иркутской магометанской общины, равно как и сотни других подобных документов.

Несмотря на потерю права собственности на культовые сооружения, сотни мусульманских общин, прошедших эту процедуру, обрели правоспособность юридических лиц и смогли на законных основаниях продолжить свою деятельность. Имеются даже факты открытия новых мечетей вплоть до середины 1920-х гг. (например, 10 сентября 1924 г. Центральное духовное управление мусульман согласовало строительство мечети в поселении Новая деревня (Янги аул) неподалеку от Перми и назначило туда имамом Афлятуна Хашимова, а 11 августа 1924 г. было разрешено построить мечеть в с. Матмасы вблизи Тюмени), но в своей религиозной деятельности верующие и представители духовенства сталкивались все с новыми и новыми ограничениями, которых с каждым годом становилось все больше. Возможность легальной работы позволяла мусульманским общинам по-прежнему активно заниматься духовно-просветительской деятельностью. Власти это чувствовали очень сильно, поскольку организовать работу по идеологической обработке населения в атеистическом духе получалось плохо, хотя работать начали с различными слоями населения: подростками, молодежью, рабочими, женщинами.

Правовой основой для этого стала резолюция X съезда Российской коммунистической партии (большевиков), прошедшего с 8 по 16 марта 1921 г. в Москве, под названием «О Главполитпросвете (Центральном комитете республики по политическому просвещению) и агитационно-пропагандистских проблемах партии» [14. С. 559 – 618]. В документе, в частности, говорилось: «Одной из существенных задач Главполитпросвета является широкая постановка, руководство и содействие в деле антирелигиозной агитации и пропаганды среди широких масс трудящихся. Для этой цели Главполитпросвет должен, между прочим, сделать доступными самым широким массам естественно-исторические знания путем издания журналов, книг, учебников, постановки систематических циклов лекций и использования для распространения этих знаний всех способов современной техники (фото, кино и т.д.)». В дополнение к резолюции Центральным комитетом РКП(б) была издана инструкция, в которой агитаторов предостерегали от необдуманных действий в антирелигиозной пропаганде, от придания слишком широкой огласки «антирелигиозной агитации» и подчеркивалась необходимость серьезной научной культурно-просветительской работы, создания естественно-научной основы для надлежащего исторического анализа вопроса религии [29. С. 146–150]. Это означало, что антирелигиозную кампанию необходимо направить на создание нерелигиозной культуры и системы образования, а не подвергать религию насмешкам и нападкам.

Рассмотрим, как это воплощалось на практике. Н.А. Дадонова изучила, как данная работа проводилась партийными органами среди мусульманок Приангарья. Ею занимались Губернский женский отдел и мусульманская секция РКП(б) на основании инструкций, указаний и циркуляров, исходивших от Наркомнаца РСФСР, ЦК РКП(б), Сиббюро ЦК РКП(б) и Иркутского губкома партии. На заседании президиума мусульманской секции РКП(б) Иркутска 30 августа 1920 г. было решено создать отдел по работе среди женщин. Наиболее активной работой с мусульманками занималась Ф.З. Латыпова. Она проводила

агитационно-организационную работу среди мусульман, читала лекции, выступала на митингах, проводила делегатские собрания для татарских женщин. В 1921 г. было проведено несколько уездных конференций для беспартийных мусульманок, в частности в Черемховском, Зиминском и Нижнеудинском уездах, а 9 марта состоялась Первая губернская беспартийная женская конференция мусульманок Иркутской губернии, на которой констатировалось, что «работа в уездах поставлена еще очень слабо, а в некоторых местах еще и не начиналась. Причины этого бездействия коренились в отсутствии квалифицированных кадров, поскольку для этой работы нужны были не только опытные пропагандисты, но и люди, хорошо знающие русский и татарский языки, национальные традиции. Причина также коренилась в очень слабой связи с женотделами или ее отсутствии. Работа среди мусульманок была сложна еще и тем, что эти женщины находились под сильным религиозным и семейным влиянием. Обращения к местной интеллигенции о сотрудничестве также не находили должного отклика». Н.А. Дадонова указывает, что в документах женотдела 1921–1922 гг. «неоднократно упоминалось, что татарские женщины были очень религиозны, и это очень мешало вовлечению их в общественно-политическую жизнь» [12. С. 58–62].

Со схожей проблемой столкнулись и партийные работники и в других регионах Азиатской части страны. 10–16 февраля 1921 г. в Омске была проведена Первая общесибирская беспартийная конференция женщин-мусульманок. Конференция была созвана по инициативе Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревкома и других государственных органов. Определяя ее значение и задачи, заведующий агитпропагандистским отделом Сиббюро ЦК РКП(б) Е.М. Ярославский в статье «К общесибирской конференции мусульманок», опубликованной 29 декабря 1920 г. в газете «Известия Сибирского бюро ЦК РКП(б)», писал: «Создание советских форм устройства, проведение экономических мероприятий коммунистического характера наталкивается на своеобразный быт киргизского и татарского населения, и в этом быту женщины играют особенно приниженную роль. Не может быть и речи об успехе нашего дела среди этого населения до тех пор, пока женщина будет занимать такое бесправное положение... Вырвать ее из этого состояния мы должны во что бы то ни стало. Конечно, главную роль в этом деле сыграет переход к новым формам хозяйства, неизбежный в ближайшие годы. Он создаст экономические предпосылки для раскрепощения семьи и женщины вообще. Но необходима предварительная работа подготовки женщины к новой роли, необходима большая практическая, политико-просветительная работа среди мусульманок, необходимо вовлечение их в нашу организацию, чтобы это раскрепощение могло совершаться возможно более безболезненно... Необходимо привлечь на эти конференции женщин наиболее обездоленных слоев населения. Но не надо забывать, что даже в одной и той же семье какого-нибудь богатого бая-киргиза имеются женщины, чувствующие всю тяжесть своего положения. Необходимо использовать особенно широко все растущий протест против купли-продажи путем калыма. В этом вопросе на нашей стороне вся мусульманская беднота. Надо использовать эти конференции для широкого закрепления организационных связей с мусульманскими массами, надо привлечь к этой работе все киргизско-татарские секции партии и РКСМ. Только при этих условиях созываемая нами конференция приобретет большое политическое значение» [18].

По составу делегаций и территориальному охвату конференция была достаточно представительной. В ней приняли участие 122 делегатки, включая

женщин из Иркутска, Томска, Омска, Новониколаевска, Барнаула, Черемховских (Иркутской губернии), Анжеро-Судженских, Кольчугинских копей (Томской губернии) и др. Согласно статистическим данным, представленным в документах конференции, из 122 делегатов по национальному составу большинство были татарки, многие неграмотные, посещавшие митинги и собрания, составляли 70%; все интересовались политической жизнью страны. Среди участниц конференции 10 были членами партии. По возрасту: до 20 лет было 25 делегатов, до 30 – 35, до 40 – 9, остальные – старше; замужних 60%, из них имеющих детей 40%. Повестка конференции включала следующие вопросы: 1) что такое Советская власть; 2) текущий момент; 3) что дает Советская власть мусульманской женщине; 4) земельная политика; 5) продовольственная политика; 6) движение среди восточных женщин; 7) кто такие коммунисты и что они хотят; 8) доклады с мест; 9) организационный вопрос; 10) политика Советской власти по воспитанию детей.

С докладом «Что дает Советская власть женщинам-мусульманкам» выступил некто Шаматов. Он подчеркнул, что мусульманка более, чем женщина какой-либо другой национальности, «была рабой своего мужа-господина, воля последнего для нее была законом. Она сносила и узаконенное Кораном многоженство. Теперь этим страданиям должен быть положен конец. Октябрь открыл женщине-мусульманке светлый путь к великому будущему. Докладчик призвал делегатов сплотиться для защиты и укрепления Советской власти, Коммунистической партии» [5. Д. 86]¹.

Весьма примечательна дискуссия, разгоревшаяся между делегатками съезда о Коране, которая показала приверженность религиозным догматам большей части участвовавших в съезде женщин-мусульманок. При обсуждении доклада выступившие подняли вопрос о том, правильно ли сделана докладчиком ссылка на Коран. Так, делегатка Ризванова (Петропавловск), отмечая значение Советской власти в освобождении женщин-мусульманок, в то же время заявила: «Коран, хотя и допускает многоженство, но едва ли это можно ставить ему в вину и отрицать его хорошие стороны» [5. Д. 86]. По ее мнению, промелькнувшее в годы Первой мировой войны известие, что германское общественное мнение оправдывает многоженство, дабы пополнить военную убыль в людях, говорит о том, что «...иногда в жертву целесообразности приносится все». В своем выступлении Кульджанова (Акмолинск) отметила: «Заслуги Советской власти в вопросах раскрепощения женщин очевидны и отрицать их никто не может», однако, продолжала она, «...считаясь с религиозным чувством мусульман, полагала бы к вопросу о Коране и религии вообще подходить осторожно, а где нужно, то и Коран можно использовать в интересах революции» [5. Д. 86].

В то же время делегатка из Иркутска Ф.З. Латыпова (о которой уже было упомянуто выше) заявила: «Женщинам-мусульманкам из рядов работниц не зачем заниматься толкованием Корана и других, может быть, хороших по содержанию, священных книг. Нам нужно говорить о том, что должны сделать мусульманки для того, чтобы закрепить полученные Советской властью права» [5. Д. 86]. Ее поддержала и делегатка Исакова (Барнаул), дважды выступившая на этом заседании. «Женщины-мусульманки, – говорила она, – должны открыто и громко сказать, что вне Советской власти нет пути к лучшему будущему. Только Советская власть и Коммунистическая партия гарантируют нам действительную свободу и человеческое существование» [5. Д. 86].

¹ Номера листов в деле не проставлены.

В заключение по этому вопросу выступил председатель конференции Юсупов. Обращаясь к делегаткам, он сказал: «Женщины сами должны взяться за сплочение своих организаций и бороться на деле со своими пережитками прошлого. Экскурсию в Коран, с целью отыскивания там положительных мест, предпринимать нет времени, когда кругом столько забот. А если говорить о том, что многоженство иногда целесообразно, то можно оправдать и поведение турецкого султана, который непрерывно вел войны, имея 350 жен» [5. Д. 86].

Партийные делегатки рассказали на съезде об огромных трудностях в работе с женщинами-мусульманками, среди которых еще немалую агитацию вели муллы, устранившие тем, что, если женщины пойдут на собрания, их «сделают коммунистками» и у них «отсохнут руки и ноги». Кроме того, посещать собрания запрещают женам мужья, а дочерям – родители [5. Д. 86].

Несмотря на то, что конференция проходила в трудных условиях, да и сами участницы, как отмечала Е. Голубева в своей статье, опубликованной в «Известиях Сибирского бюро ЦК РКП(б)» 5 марта 1921 года, «...разбились на два лагеря: с одной стороны, незначительная группа богатых мусульманок, высказывающаяся против новшеств, опирающаяся на Коран, недовольная Советской властью, и с другой – значительно большая группа пролетарок, сторонниц и защитниц Советской власти», она, по мнению автора статьи, «была той первой ласточкой, которая вызвала к активной общественной и хозяйственной жизни тысячи женщин всех национальностей... Сибири» [19].

В то же время и муллы вели агитационную работу среди женщин. Согласно информации, изложенной в записке в секретный отдел ГПУ за подписью секретаря татсекции губкома РКП(б) Сагеева 30 апреля 1923 г., Иркутским муллой созывается общее собрание женщин-татарок в помещении мечети. На проведение данного собрания никто из властей разрешения не давал, а потому татсекция РКП(б) просила принять соответствующие меры в отношении религиозного деятеля [12. С. 58–62].

Советские органы хотели форсировать процесс усвоения мусульманским населением Азиатской части страны коммунистической идеологии, но главным препятствием на этом пути являлось мусульманское духовенство. В статье «Работа среди татаро-киргиз Сибири» 1923 г. утверждалось: «Повсеместное стремление мусульманского духовенства к созданию религиозных обществ, частных религиозных школ и групп учащихся в настоящее время диктует нам в первую очередь проводить культурно-просветительную работу среди беспартийных. Важное значение эта работа имеет в Иркутской и Томской губерниях, где больше всего развита духовенством религиозная пропаганда» [37. С. 565–569].

В связи с этим требовалось ограничить воздействие духовенства на население, что и было сделано рядом постановлений ВЦИК и инструкций НКВД и Наркомпросвещения от 1924–1925 гг. «О преподавании мусульманского вероучения среди восточных народностей, исповедующих мусульманское вероучение». В данных документах говорилось о том, что преподавание исламской религии может осуществляться только в частном порядке на дому, с группами не более трех человек или же на специальных богословских курсах, открываемых отдельными частными лицами по особым разрешениям НКВД РСФСР или ЦИКов автономных республик в краевых, областных или губернских городах [9. Д. 2. Л. 81–82]. В результате население и муллы боялись связываться с организацией образовательного процесса: «О религиозных школах приходится говорить следующее: в нашем районе [Управление муктасибата 4-го Горнозаводского района Уральской области] религиозных школ открыто очень

мало, только в некоторых приходах, как-то Пермь, Кояново, Канабеки, – сетовал в 1927 г. мухтасиб Зуфар Касимов. – Причина неоткрытия в других приходах то: 1) Трудность получения разрешения на открытие. 2) Разрешение заниматься только один раз в неделю. 3) Подавание (в некоторых местах) вероучителей в суд. Вот ввиду всего указанного население боится открывать религиозные школы» [6. Д. 363. Л. 8]. В то же время, воспользовавшись положениями данных нормативных актов, Первая соборная мечеть г. Томска (Красная мечеть) смогла легально возобновить обучение детей на своей территории. Занятия вели трое учителей. Первыми учащимися мусульманской школы стали 25 мальчиков и 36 девочек в возрасте старше 14 лет (это было требованием закона). В архивных документах, касающихся функционирования школы, имеются копии удостоверений учащихся, подтверждающих окончание ими первой ступени Единой трудовой школы или Трудовой тюрко-татарской школы [17. С. 31]. Томское духовенство не только само вело занятия, но и консультировало сельские мусульманские общины о том, как следует организовать обучение исламу. В результате в окрестностях Томска был зафиксирован рост курсов по обучению исламу. В силу того, что на этих курсах дети учились не с 14 лет, как это предписывалось декретом ВЦИКа, а с 6–7, их количество удалось сократить [2. С. 19]. А в Уральской области, в окрестностях Свердловска, представителей мусульманского духовенства, организовавших обучение исламу на дому и без соблюдения установленных государством процедур, подвергали наказаниям [42. С. 55].

Ограничив возможности мусульманского духовенства заниматься духовно-просветительской работой, советская власть усилила меры по атеистической пропаганде и дискредитации вероучительных положений традиционных конфессий. Например, в протоколе очередного собрания женщин-делегаток г. Хабаровска об отношении к религии от 1 апреля 1923 г. говорилось: «Мы, женщины-делегатки, заслушав доклад тов. Мельникова о зарождении и развитии религии и борьбе трудящихся, и принимая во внимание, что религиозные обряды есть не что иное, как орудие в руках лиц — представителей разных вероисповеданий, помогающие им держать народные массы в полном невежестве и суевериях, ПОСТАНОВИЛИ: отрешиться от религиозных предрассудков самим и принимать все меры по борьбе к искоренению слепой веры в религиозный культ..., привитый... с детства царизмом и капиталом» [36. С. 168].

Одной из распространившихся повсеместно форм антирелигиозной работы стало проведение в дни празднования религиозных праздников альтернативных мероприятий, имеющих привлекательность для молодежи. Анализируя антирелигиозную работу, направленную на мусульманское население на территории Томской губернии, исследователи В.Г. Кокоулин и А.Р. Рахматуллина характеризовали ее следующим образом: «В первой половине 1920-х годов отделы национальных меньшинств при местных партийных органах и Сибирском татаро-киргизском бюро антирелигиозную работу старались вести больше в плоскости дискуссий, обращая основное внимание на молодежь. Так, в «Плане антирелигиозной кампании комсомольского рамазана», подготовленном заведующим агитпропотделом Томского губкома Э. Абрамсоном в 1923 г., предлагалось устраивать «антирелигиозные вечера с подготовкой антирелигиозных пьес, инсценировок, соответствующих вечеру декламаций, юмористических рассказов». Доклады на темы «Религия – опиум для народа», «Религия и коммунизм» рекомендовалось «ставить по вечерам во время таравиха». Если не хватало материалов-инсценировок, пьес для антирелигиозных вечеров, то необходимо было устраивать

«вечера, игры, развлечения, постановки революционно-агитационных пьес и т.д., лишь бы отвлечь молодежь от рамазана». В отчете по проведению анти-религиозной кампании отмечалось, что хотя «среди некоторых рабочих религиозные верования сидят глубоко, но кампания свою роль сыграла, результаты налицо». Далее приводились два весьма скромных результата (во время намаза, когда один из рабочих по просьбе большинства начал читать молитву, двое рабочих «с руганью против бога и собравшихся вышли из строя молящихся», а во время хутбы «почти половина всех собравшихся на молебне демонстративно покинула место курбан-намаза». Это вызвало спор во время праздничных чаепитий – «старики ревностно защищали существование бога, встречая отпор среди молодежи» [28. С. 14–15].

Особое внимание уделялось работе с рабочими массами из числа мусульман. Например, в Анжерских и Судженских каменноугольных копях (современный г. Анжеро-Судженск Кемеровской области) были довольно сильные мусульманские общины, поэтому не случайно коммунисты уделяли пристальное внимание проведению агитационно-пропагандистской работы среди местного татарского населения. Так, комсомольцы рудника, выступавшие с жестких атеистических позиций, в дни Курбан-Байрама вывесили стенгазету с карикатурой на муллу [23. С. 668]. Это был лишь один из элементов данной кампании. Был разработан «План антирелигиозной кампании. Против “Гайда Курбан” среди татар Судженско-Анжерского района. (Кампанию начать с 10 июля по 26 июля с[его] года)». План предусматривал проведение публичных докладов в день праздника антирелигиозного и естественно-научного характера, в частности «Происхождение органической жизни человека по теории Дарвина», «Происхождение религии и вера в бога и их роль в человеческом обществе», «Противоречия Шаригата, т.е. Закона Магомета», «пророк Магомет и его учение Корана», демонстрация антирелигиозной пьесы и проведение «грандиозного вечера» для рабочих – татар [4. Д. 1519. Л. 223–223об.].

В апреле 1923 г. Тобольским уездным комитетом РКП(б) был разослан циркуляр за подписями ответственного секретаря уездкома РКП(б) Гордеева и ответственного секретаря уездного бюро татаро-башкирских коммунистов Зарипова «всем волостным комитетам партии, сельским ячейкам РКП(б) татаро-башкир, организациям по работе среди молодежи». В нем говорилось: «В связи с прошедшим “Комсомольским Рождеством” и Пасхой перед татаро-башкирскими организациями РКП(б) и РКСМ возникает вопрос о проведении комсомольского праздника “Ислам”. В целях использования мусульманского праздника “Руза-Гайды” в антирелигиозной пропаганде уездное бюро коммунистов татаро-башкир и бухар предлагает следующие: 1. Мусульманский “Великий пост” (месячник) “Рамазан и конец Рамазана “Руза-Гайды”” должны быть использованы для агитационно-пропагандистской кампании среди татаро-башкир и бухарского населения.

2. Кампания должна вестись по линии углубления знаний членов РКП(б) и РКСМ татаро-башкир естественно-научных вопросов: а) Происхождение земли и жизни на ней; б) Происхождение человека; в) Происхождение земли и богов, их роль в человеческом обществе; г) Религия – опиум; д) Ислам и происхождение старых религий – христианской, иудаистской; е) “Шариат” как закон, охраняющий интересы торговой буржуазии и арабских феодалов времени Магомеда; ж) Происхождение “Шариата”, религия и коммунизм; з) Совместима ли религия с наукой?» [20. С. 91].

Отличным моментом для антирелигиозной агитации считался национальный татаро-башкирский праздник «Сабантуй». «Дорогие товарищи! Среди татар и башкир ежегодно весной (до посева или после весеннего сева) проводится национально-бытовой праздник «Сабантуй» с участием широких масс, – говорилось в открытом письме Тобольского окружкома ВКП(б) от 26 октября 1926 г. – Местами татарское духовенство стремится этот праздник использовать для распространения религиозной агитации и пропаганды и производит сборы в пользу духовного управления» [20. С. 99]. Обком ВКП(б) Уральской области также рекомендовал агитационно-пропагандистским отделам округов: «А. Противопоставить праздник “Сабантуй” религиозному празднику, приурочив проведение дня “Сабантуй” ко дню “Курбан-байрам” как в городе, так и деревнях; Б. В противовес жертвоприношению необходимо развернуть широкую агитацию и пропаганду за увеличение скота и улучшение его породы; В. Праздник “Сабантуй” должен проводиться под лозунгами улучшения сельского хозяйства и раскрепощения быта. В городах и фабрично-заводских районах “Сабантуй” должен проводиться, как спортивный праздник и день разумного отдыха» [31].

Еще одной формой агитационных мероприятий являлось проведение дискуссий между атеистами, включая отказавшихся от сана религиозных деятелей, и представителями мусульманского духовенства, т.е. слушателям давалась возможность оценить аргументы и той, и другой стороны. Например, 27 апреля в Томском городском театре прошел диспут на татарском языке на тему «Почему падает вера в Аллаха», на который пришло более 600 человек [30]. Видный деятель дореволюционного татарского движения Зариф Гайсин, поддерживавший советскую власть и ставший советским чиновником, комментируя прошедшее мероприятие в отчете Томского губернского отдела народного образования для Сиббюро ЦК РКП(б) 20 мая 1924 г., отмечал: «Антирелигиозный диспут на татарском языке на тему “Почему падает вера в бога” был устроен в конце “Священного месяца Рамазана” 27 апреля. Основным докладчиком был выставлен ахун Забайкальской области Султангалеев. Султангалеев как докладчик – слаб, но ценно то, что он бывший ахун и при выступлении ярко, наглядно подчеркивает роль духовенства в одурманивании трудящихся масс, приводя ряд примеров из жизни. Поскольку это исходит из уст бывшего ахуна, это производит ошеломляющее впечатление на массу... Муллы, приглашенные для защиты религии, не явились... Приступлено было к слушанию доклада Султангалеева. Для защиты религии выступил бывший мулла Касим Гатауллин и гражданин Губайдуллин. Выступлениям религиозным аплодировалось мусульманами дружно, а антирелигиозникам – партийными учащимися, представленными сравнительно малочисленно, поэтому, несмотря на веские доводы антирелигиозников, создавалось впечатление, что религиозный фанатизм мусульман не настолько сильный, что результаты диспута не имели смысла подвергнуть голосованию. Я лично предпочитаю для них устраивать не диспуты антирелигиозные, а гораздо полезнее устраивать доклады из области естествознания с фонарем и диапозитивами для того, чтобы разрушать фанатизм и суждение о том, что земля держится на рогах быка, а бык стоит на ките. Здесь грань нашей услуги в пользу революции или против нее, в будущем необходимо отнестись осторожно и с серьезной подготовкой» [28. С. 15].

В отчетах «наверх», конечно же, заявлялось об успехах антирелигиозной агитации. Так, в Отчете губернского бюро татаро-башкирских коммунистов при Тюменском губкоме за март – апрель 1923 г. отмечалось: «... был устроен диспут

против ... ислама, куда ... приглашены ахуны и видные муллы ... На диспуте участвовало всего 300 человек. Успех остался за нами, сторонники веры и религии были в полном смысле побеждены ... был устроен второй диспут: "Имеется ли Бог или нет?" ... слушателей было еще больше, но победа была за нами..." [21. С. 240].

Но исследователи полагают, что такие отчеты носили фиктивный характер. «Далеко не всегда эти мероприятия достигали поставленных целей. Более того, после некоторых из них между атеистами и верующими возникали острые конфликты, рвались дружеские или соседские связи, – констатирует З.Н. Сокова. – Об эффективности используемых... форм работы можно судить по тому, что в 1925 году [было] рекомендовало своим ячейкам отказаться от проведения антирелигиозных диспутов, в которых, как показала практика, перевес почти всегда оказывался на стороне верующих» [40. С. 214–215].

Во многом провалы в такой форме работы, как диспуты с духовенством, были связаны с некомпетентностью многих атеистических работников в вопросах вероучения. Н.И. Маскина пишет: «в аналитическом докладе томскому губернскому совещанию татарских работников в 1924 году отмечалось, что "антирелигиозная пропаганда среди консервативно настроенных татаро-башкир требует серьезного изучения религии самими лицами, выступающими против этой религии"» [2. С. 19].

Требовалось, чтобы к делу подключались специалисты, которых катастрофически не хватало. Поэтому с середины 1920-х гг. основной упор в области атеистической пропаганды приняло на себя Единое всесоюзное антирелигиозное общество, или «Союз безбожников», которое было образовано в апреле 1925 г. в Москве на съезде «Общества друзей газеты "Безбожник"» (в 1929 г. организация была переименована в «Союз воинствующих безбожников», именно под этим названием войдя в историю страны) [1. С. 240–241]. При ряде местных отделений «Союза безбожников» действовали татарские секции «Дагриляр» (Безбожник). «Среди "форм" работы общества – диспуты со сторонниками ислама, антирелигиозные спектакли, издание печатной продукции с сюжетами издевательско-примитивной насмешки над служителями культа, – пишет З.Н. Сокова. – Особую активность ячейки "Дагриляр" проявляли в период Рамазана, завершающегося праздником Курбан-Байрам. Чтобы отвлечь мусульман от исполнения традиционных обрядов, они устраивали месячники "комсомольского Байрама", митинги, спортивные соревнования, конкурсы. Обязательным элементом всех мероприятий были "антирелигиозные вечера", на которых зачитывались доклады о происхождении Земли и человека, возникновении ислама, пагубности религии, вреде поста и т.п.» [40. С. 214–215].

Также ячейки Союза безбожников проводили работу по пропаганде атеизма, распространению антирелигиозной литературы, компании по внедрению в быт новых, безрелигиозных праздников и обрядов, причем зачастую достаточно оригинальных [20. С. 23]. М.В. Пономаренко отмечает, что в те годы среди молодежи модными стали имена – «отражение идеи общественного прогресса, революционные события, память о выдающихся деятелях, новые естественнонаучные (географические названия, названия планет, минералов, цветов). Широко распространенными в те годы стали аббревиатуры, такие как: Виль (Владимир Ильич Ленин), Лениза (Ленинские заветы), Ленар (Ленинская армия), Рунар (Революция уничтожает национальную рознь), Дамир и Дамира ("Да здравствует мир!"), Изиль (Исполнитель заветов Ленина) и т.п.». Продолжая сложившуюся в предыдущие годы традицию проведения альтернативных

религиозным мероприятиям с революционно-атеистическим духом, «безбожники» Новониколаевска предприняли попытку по-новому организовать обряд наречения имени: «в татклубе был устроен вечер Ленина. Перед началом провели октябрину. После доклада “О т. Ленине и его роли в мировом революционном движении” и “О новом быте” дали одной татарской новорожденной девочке имя «Виленина». Как пишет М.В. Пономаренко, следствием этого стал «отказ от мусульманских имен и интенсивный поиск новых» [35. С. 339].

Новыми формами агитационно-пропагандистской работы, практикуемыми «безбожниками», являлись громкие чтения, беседы, вечера вопросов и ответов, спектакли, красные посиделки, лекции, вечера молодежи, политическая лотерея, инсценированные судебные заседания [41. С. 36–37]. Так, 9 мая 1926 г. в г. Катайске (современная Курганская область) местной ячейкой Союза безбожников был организован «суд над Богом». В мероприятии участвовали около 500 человек «Обвиняемый на суд не явился», а в приговоре говорилось: «Бога нет, а потому и судить его не за что», безбожники пришли к выводу, что в миллионах жертв «во имя бога» виноваты представители духовенства и судить нужно их [34. С. 52–60].

Такая работа проводилась в основном в городах, где татарский пролетариат жил в окружении русских и представителей других национальностей, оказываясь в более уязвимом положении в плане сохранения традиционного религиозного уклада жизни, нежели чем их единоверцы на селе. В сельской местности работа осуществлялась по-другому и была гораздо скромнее. Центрами работы в деревнях становились избы-читальни, которые «выписывали журнал «Фэн һәм дин» («Наука и религия») в количестве 15 экземпляров и по их материалам работали с татарским населением. Организовывались кинопередвижки, вечера вопросов и ответов и т.д.», — отмечает И.Б. Гарифуллин [20. С. 23].

В деревне, как отмечалось в одной из газетных статей середины 1920-х гг., «мулла пока еще имеет большое влияние». Говоря о влиянии духовенства на жителей и молодежь, корреспондент газеты «Советская Сибирь» на примере деревни Кучумка Убинского района Барабинского округа Сибирского края в 1926 г. писал следующее: «С отцами — на работу и в мечеть. Мулла учит молиться и работать. Никаких развлечений не допускается — грех! Изредка соберутся тайком подурачиться, поиграть, но грозный окрик старших спугивает и разгоняет стайку по домам. Ужасно положение девушки. Подросла лет до 15 — загоняют ее в женское отделение избы. Сиди до свадьбы — чужим не показывайся. В один горестный день отдадут ее замуж за неизвестного нелюбимого мужчину. Приехал раз инструктор ВЛКСМ. С большим трудом удалось собрать молодежь. Говорил о целях и задачах комсомола. Глубоко в память всем врезались неизвестные, но желанные слова. Но под огненным взглядом старших молчала татарская молодежь. И только после, через несколько дней, тенью проскользнули в квартиру учителя двое: “ибдяш (товарищ), ибдяш учитель, как бы нам в комсомол?” Узнали в селе, избили темной ночью на улице. Били долго и жестоко родители. Как знать, что теперь эти юноши думают? Могут ли побои выбить давнюю мечту о желанном “комсомоле”? Но знают татарские девушки, что скоро выйдут они на улицу с непокрытыми головами и улыбкой весенней одарят своего милого. Культурно-просветительная работа среди татарских нацменьшинств требует большого внимания. Необходимо и экономическая помощь, чтобы ослабить власть муллы и Аллаха. Нужно еще несколько усилий, чтобы привлечь массы татарской деревни к сознательному

активному строительству советского государства. Борьба нового и старого началась и одним из победителей будет, конечно, комсомолец» [39].

Но требовалось не «несколько», а гораздо больше усилий. Становилось очевидным, что практикующиеся формы антирелигиозной пропаганды не давали быстрого и нужного эффекта. Конечно, определенные результаты атеистической работы были. Согласно мудрой народной поговорке, «вода камень точит», и мало-помалу часть людей, особенно представителей молодого поколения, отрывались от корней и принимали атеистическое мировоззрение. Как справедливо отмечалось в одном из документов тех лет, молодежь является наиболее отзывчивой частью населения, элементом, легко поддающимся новым начинаниям, и поэтому всю массовую антирелигиозную пропаганду новых начинаний нужно проводить среди них [2. С. 19]. Например, анкетирование, проведенное среди уральских школьников из числа народов, традиционно исповедовавших ислам, в частности в Свердловской татаро-башкирской семилетней школе, показало, что неверующим был лишь каждый четвертый (23,7%), каждый третий не смог уверенно заявить о своей мировоззренческой позиции (36,8%), но многие (39,5%) школьники продолжали оставаться верующими [7. Д. 1165. Л. 106].

Значительная часть населения, особенно на селе, жила привычным укладом: партийные функционеры в 1926–1927 гг. встречали многочисленные случаи «религиозных пережитков». Так, в отдельных населенных пунктах Новосибирского округа фиксировались случаи многоженства, а в селе Юрт Акбалык, где жили в основном чатские татары, одна из жен была даже членом сельсовета [28. С. 10]. В ныне не существующих аулах Бугаяк и Манцах на территории современного Венгеровского района Новосибирской области в некоторых семьях было 2-3 жены [43. С. 12–16]. А в материалах обследования Кизеловского района Пермского округа Уральской области 1927 г. отмечалось: «Косность и религиозность родителей “нацмен” имеет большое влияние на детей. В момент обследования среди рабочих “нацмен” татаро-башкир был праздник Ураза-байрам. По установившейся исстари традиции в эти дни родители посылают своих детей с подарками к мулле. Дети-пионеры также ходили с подарками к мулле, а школу не посещали, хотя занятия в эти дни не прекращались» [7. Д. 1165. Л. 169].

Старые методы не работали, и от них начали отказываться. Например, в 1929 г. была официально прекращена такая форма антирелигиозной пропаганды, как диспуты и дискуссии с привлечением религиозных деятелей в качестве оппонентов, поскольку они показали свою неэффективность. Было решено сосредоточиться на лекциях атеистического содержания [51. С. 40]. В дальнейшем была предпринята попытка силового решения «религиозного вопроса» в виде подрыва экономической базы религиозных общин во время коллективизации, компании по закрытию культовых сооружений и политических репрессий против духовенства и актива верующих. Это касалось всех конфессий без исключения. А в отношении мусульманского населения также были проведены две языковые реформы «Яналиф» (новый алфавит), в ходе которых арабская графика была заменена сначала на латиницу, а затем на кириллицу, что также способствовало отрыву молодого поколения от религиозных традиций.

Деятельность представителей мусульманского духовенства по распространению ислама в 1920-е гг., тщательно фиксируемая НКВД СССР, легла в основу предъявляемых обвинений в «панисламистской» и «националистической» антисоветской пропаганде. «Религиозный лидер, выступавший за единение

всей “мусульманской массы” страны, в глазах работников внутренней разведки априори попадал в категорию “панисламистов”, а тот, кто настаивал на самоорганизации по национальному признаку, получал клеймо “националист, пантюрист”», – отмечает Ю.Н. Гусева, а большинство из них, по версии сотрудников следственных органов, оказались связаны с зарубежными разведками. «Благодаря такой трактовке все действия лидеров... мусульман 1920-х годов, направленные на расширение сферы влияния... были в период Большого террора объявлены “панисламистскими”» [10. С. 103–106]. Самым громким из подобных политических процессов было «дело Центрального духовного управления мусульман» 1936 г., по которому пострадали и представители мусульманского духовенства Сибири, в частности имам Омской мечети Галя Галиевич Гимуш [49. С. 174]. На территории Урала и Сибири в 1930-е гг. прошло около десятка инициированных советскими спецслужбами политических процессов, включая «дело о башкирской национальной контрреволюционной повстанческой организации» [46. С. 163–168], «дело мюридизма на Среднем Урале» [22. С. 260], «Кояновское дело» [48. С. 241–244], «дело о военно-мусульманской контрреволюционно-повстанческой организации “Гаскери Уешма”» [32. С. 34–40], «Кунашакское дело» [47] и ряд других, жертвами которых стали десятки представителей мусульманского духовенства.

Однако административно-силовым способом изжить религию из сердец людей не удалось, как показала «репрессированная» перепись населения 1937 г., больше половины населения СССР (56,7%) считали себя верующими людьми [16. С. 105–114], что требовало продолжения дальнейшей атеистической работы.

Выводы. 1920-е гг. являлись начальным этапом в развитии атеистической пропаганды в Советском государстве. Этот период можно охарактеризовать как «пробу пера», когда пропагандисты экспериментировали, пытались применять различные формы и методы агитационной работы, включая полемику с духовенством, создание новых традиций и обрядов взамен религиозных (новые имена взамен старых, Сабантуй вместо Курбан-байрама, лекции, концерты и встречи вместо коллективных разговений по окончании дня поста и др.), новых учреждений досуга (клубы, избы-читальни) и получения знаний (советские школы), которые призваны были заменить мечети и вывести различные категории населения из-под их влияния. Сформировавшийся в этот период набор аргументов, который использовался для критики исламского вероучения, потом воспроизводился в атеистических антиисламских сочинениях пропагандистов вплоть до конца существования СССР, в частности в трудах Л.И. Климовича, который как раз в конце 1920-х гг. начал издавать свои первые книги антиисламской направленности. Основные трудности в проводимой работе представляли незнание мусульманским населением русского языка, приверженность религиозным традициям, острая нехватка агитаторов, знающих суть исламского вероучения, а также атеистов из числа татар, башкир и казахов. Вследствие сопротивления представителей мусульманского духовенства проводимой агитационной работе (разъяснение «греховности» участия в различных атеистических собраниях, отказа от молитвы, поста, членства в комсомоле) постепенно начинают применяться методы административно-ограничительного характера: было сокращено преподавание религии, одни представители мусульманского духовенства были включены в категорию «лишенцев», другие – подвергнуты репрессиям. Несмотря на принимаемые меры, существенных успехов в деле

атеистической пропаганды в отношении мусульманского населения добиться не удалось, поэтому наряду с антирелигиозной агитацией, которая все больше проводилась в форме лекций, было принято решение произвести замену арабского алфавита вначале на латинский, а потом и на кириллический, чтобы оторвать массы мусульманского населения, прежде всего молодежь, от вековых традиций, а также был взят курс на силовое решение «религиозного вопроса» путем закрытия мечетей и массовых репрессий против духовенства и наиболее активных верующих. Наряду с этим, учитывая ошибки прошлых лет, продолжала развиваться и совершенствоваться система атеистической пропаганды, которая активно проводилась на протяжении всех последующих лет существования СССР.

Литература и источники

1. Атеистический словарь / *А.И. Абдусамедов, Р.М. Алейник, Б.А. Алиева и др.*; под общ. ред. М.П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1985. 512 с.
2. Белая Соборная мечеть / ред. кол.: Р.А. Бикбавов и др.; ред.-сост. Н.И. Маскина. Томск: Д-Принт, 2014. 235 с.
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1519.
5. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-2084. Оп. 1. Д. 86.
6. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 363.
7. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1165.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 89.
9. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-137. Оп. 9. Д. 2.
10. *Гусева Ю.Н., Бегасилова Ж.А.* Дело о «панисламистской повстанческой организации» в Средней Азии 1940 г. // *Российская история*. 2018. № 2. С. 99–110.
11. *Гусева Ю.Н.* Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: Офорт, 2013. 408 с.
12. *Дадонова Н.А.* Вовлечение татарских женщин Иркутской губернии в общественно-политическую жизнь в 1920–1926 гг. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4-4(60). С. 58–62.
13. Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. I. 640 с.
14. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 937 с.
15. *Друян В.* Кем были «лишенцы»? Каких прав они лишались? [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.ru/a/Y85zG9cFDaZUlgOv> (дата обращения: 15.12.2024).
16. *Жиромская В.Б.* Религиозность народа в 1937 году (по материалам Всесоюзной переписи населения) // *Исторический вестник*. 2000. № 5(1). С. 105–114.
17. *Жумаев Н.Е., Окушова Г.А., Сметанина Т.А.* Первая Соборная Красная мечеть Томской области: люди и страницы истории. Томск: Печатная мануфактура, 2015. 179 с.
18. Известия Сибирского бюро ЦК РКП(б). 1920. № 18, 29 дек.
19. Известия Сибирского бюро ЦК РКП(б). 1921. № 24, 5 марта.
20. Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) / *И.Б. Гарифуллин, А.П. Ярков и др.* Тюмень: Экспресс, 2004. 172 с.
21. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 3. Трансформация уммы в XIX–XXI вв. / *А.П. Ярков, И.Б. Гарифуллин и др.* М., 2015. 443 с.
22. Ислам на Урале: энциклопедический словарь / *А.Н. Старостин, Д.З. Хайретдинов и др.* М.: Медина, 2009. 475 с.
23. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред.: В.А. Ламин; редкол.: С.С. Букин и др. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1. 716 с.
24. История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2010. Т. V. 468 с.
25. История религиозных учреждений Восточной Сибири: тематический путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области / авт.-сост. Е.А. Луговская. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 133–134.
26. *Каменских М.С.* Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Маматов, 2019. 241 с.
27. Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://xx-vek-istoria.narod.ru/libr/istochnik/vnpol/mus.html> (дата обращения: 15.12.2024).

28. *Кокоулин В.Г., Рахматуллина А.Р.* Томская мусульманская община: история и современность. Новосибирск, 2011. 128 с.
29. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1. 1917–1924 гг.: в 4 кн. Кн. 1: Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды. М.: РОССПЭН, 2017. 646 с.
30. Красное знамя. 1924. № 100, 30 апр.
31. Медина-аль-Ислам. 2008. № 76, 26 авг.
32. *Меражов И.З.* Репрессированная мифическая мусульманская организация «Гаскери Уешма» // Репрессированная сибирская провинция: материалы регионального научно-практического семинара (Новосибирск, 28–29 октября 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 34–40.
33. Национальный архив Республики Бурятия. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 219.
34. *Парфенова С.А.* Шадринский окружной совет Союза Безбожников // Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 1994. С. 52–60.
35. *Пономаренко М.В.* Ислам в религиозной политике Советской власти в первой трети XX века (по материалам Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 330–344.
36. Религия и власть на Дальнем Востоке России: сб. док. Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. 398 с.
37. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: сб. док. и материалов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1959. 652 с.
38. Следственное дело Патриарха Тихона: сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Правосл. Свято-Тихоновский богосл. ин-т; отв. сост. Н.А. Кривова. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.
39. Советская Сибирь. 1926. № 180(2018), 8 авг.
40. *Сокова З.Н.* Власть и ислам в 1920-е годы (на примере Тюменского региона) // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 7. С. 211–216.
41. *Старостин А.Н.* Антиисламская деятельность Союза воинствующих безбожников (СВБ) на Урале // Ислам на Урале: энциклопедический словарь / сост. А.Н. Старостин, отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.: Медина, 2009. С. 36–37.
42. *Старостин А.Н.* Ислам в Свердловской области. М.: Логос, 2007. 144 с.
43. Татарские села Новосибирской области / *А.Г. Гареев, Р.Ш. Тухомирова, Р.С. Галиева и др.* Новосибирск, 2013. 113 с.
44. Тюменский рабочий. 1918. № 46, 27 апр.
45. *Хабутдинов А.Ю.* ЦДУМ в дни голода 1921 года предотвратило вымирание населения Поволжья [Электронный ресурс]. URL: <http://muslim-penza.ru/news/1133-----1921-----.html> (дата обращения: 15.12.2024).
46. *Хакимов Р.Ш.* Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий. Челябинск: Абрис-Принт, 2013. 711 с.
47. *Хакимов Р.Ш.* Кунашакское дело или дело № 5439. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2018. 168 с.
48. *Шевырин С.А.* «Большой террор» в маленьком селе (репрессии 1937–1938 гг. в истории села Кояново) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 241–244.
49. *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.
50. *Ярков А.П., Старостин А.Н., Павлинова Р.Н.* Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей Оренбургского магометанского духовного собрания. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. 489 с.
51. *Pospelovsky D.V.* A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer. Vol. 1: A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Anti-Religious Policies, St Martin's Press, New York, 1987, 325 p.

СТАРОСТИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Россия, Нижний Новгород; доцент кафедры теологии, Уральский государственный горный университет, Россия, Екатеринбург (alisheria@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2703-5364>).

СОХИБОВ САЙДАЛИ ОРИФОВИЧ – докторант, Болгарская исламская академия, Россия, Болгар; старший преподаватель кафедры теологии, Уральский государственный горный университет, Россия, Екатеринбург (saidali72@mail.ru).

Aleksei N. STAROSTIN, Saidali O. SOKHIBOV

FORMS AND PRACTICES OF ATHEISTIC ANTI-ISLAMIC PROPAGANDA IN THE REGIONS OF RUSSIA'S ASIAN PART IN THE 1920s

Key words: *atheism, Islam, mosque, imam, communists, propaganda.*

The topic of state-confessional relations in Russia is one of the significant problems both in the field of historical research and in the modern political, social, social and cultural life of the society. One of the aspects that has not been fully understood is the topic of anti-religious propaganda, which was so widespread that the system of stereotypes created by atheist propaganda during the Soviet period remains in the mass consciousness to this day. In this regard, it seems most important to analyze the period of forming this trend of Soviet policy in the 1920s, since it was at this time that the reformatting of the consciousness of the country's population from religious to atheistic began. Of particular interest is the work with ethnic and religious minorities, in particular with the peoples who were adherents of the Islamic faith, since most of them did not know the Russian language at that time and were deeply rooted in their religious traditions. Representing the ethno-confessional minority living in a non-cultural environment, the Muslims of the Ural-Siberian region steadfastly resisted atheistic influence, so propagandists had to creatively approach this problem and use different methods of ideological influence. It is also important that the set of arguments formed during this period, which was used to criticize the Islamic faith, was then reproduced in atheistic anti-Islamic writings of propagandists until the end of the USSR.

The purpose of the study is to analyze the practices, forms and effectiveness of atheistic work with the Muslim population of the Urals, Siberia and the Far East, aimed at separating this population group from religious tradition and reducing the influence of the clergy.

Materials and methods. The materials for the study were scientific papers reflecting various aspects of state-Islamic relations in the 1920s, published and first introduced into scientific circulation documents from the state archives of a number of regions of Russia's Asian part (the state archives of Sverdlovsk region, Novosibirsk region, Khabarovsk Territory, the National Archive of the Republic of Buryatia), reflecting the activities of party-state bodies on working with national minorities, regional branches of the "Union of Militant Atheists" and other institutions of the Soviet power. The research used general historical methods of analysis and generalization, as well as special historical methods such as problem-chronological, historical-comparative and structural-functional ones.

Results. Anti-religious propaganda in the 1920s was mainly of a debatable and polemical nature. Such forms of anti-religious events were practiced as debates and discussions between atheists and representatives of the clergy, creation of an alternative public holiday tradition instead of religious ones (holding "Komsomol Ramadans and Bayrams", organizing performances, lectures, and other events interesting to young people during the celebration of Eid al-Fitr and Kurban Bayram, holding Komsomol naming ceremonies), and circle work, lectures on atheistic and natural science topics, film shows and many others. Special emphasis was placed on children, the youth, women and workers. The use of both published and unpublished archival materials from different regions shows that the agitators faced the same problems, such as resistance of the Muslim clergy, lack of religious-savvy lecturers, and commitment of the Muslim population to religious traditions. Various forms of agitation campaigning were practiced.

Conclusions. The 1920s were the initial stage in the development of atheist propaganda in the Soviet state. This period can be described as a "trial of the pen", when propagandists experimented, tried to apply various forms and methods of propaganda work, including polemics with the clergy, creation of new traditions and rituals, creation of new leisure facilities and gaining knowledge, which were designed to replace mosques and remove various categories of the population from their influence. The main difficulties in the work carried out were the Muslim population's ignorance of the Russian language, adherence to religious traditions, and an acute shortage of agitators who knew the essence of the Islamic faith, as well as atheists from among the Tatars, the Bashkirs and the Kazakhs. As a result of the resistance shown by the Muslim clergy representatives to the ongoing propaganda work, administrative and restrictive methods began to be gradually applied: religious teaching opportunities were reduced, some representatives of the Muslim clergy were included in the category of "deprived", others were subjected to repression. Despite the measures taken, it was not possible to achieve significant success in atheistic propaganda against the Muslim population, therefore, along with anti-religious agitation, which was increasingly carried out in the form of lectures, it was decided to replace the Arabic alphabet, first with Latin, and then with Cyrillic, in order to separate the masses of the Muslim population, primarily young people from centuries-old

traditions, and a course was taken towards a forceful solution to the "religious issue" by closing mosques and mass repressions against the clergy and the most active believers. Along with this, taking into account the mistakes of previous years, the system of atheistic propaganda continued to develop and improve, which was actively carried out throughout the subsequent years of the USSR.

References

1. Novikov M.P., ed., Abdusamedov A.I., Aleinik R.M., Alieva B.A. et al. *Ateisticheskii slovar'. 2-e izd., ispr. i dop.* [Atheistic Dictionary. 2nd ed.]. Moscow, Politizdat Publ., 1985, 512 p.
2. Maskina N.I., comp., ed. *Belaya sobornaya mechet'* [The White Cathedral Mosque]. Tomsk, D-Print Publ., 2014, 235 p.
3. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 224 p.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti*. Fond P-1. Opis' 1. Document 1519 [The State Archive of the Novosibirsk region. Archive P-1. Anagraph 1. Document 1519].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti*. Fond R-2084. Opis' 1. Document 86 [The State Archive of the Novosibirsk region. Archive R-2084. Anagraph 1. Document 86].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti*. Fond R-102. Opis' 1. Document 363 [The State Archive of the Sverdlovsk region. Archive R-102. Anagraph 1. Document 363].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti*. Fond R-233. Opis' 1. Document 1165 [The State Archive of the Sverdlovsk region. Archive R-233. Anagraph 1. Document 1165].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya*. Fond P-1. Opis' 1. Document 89 [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. Archive P-1. Anagraph 1. Document 89].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya*. Fond R-137. Opis' 9. Document 2 [The State Archive of the Khabarovsk Territory. Archive R-137. Anagraph 9. Document 2].
10. Guseva Yu.N., Begaslova Zh.A. *Delo o «panislamistskoi povstancheskoi organizatsii» v Srednei Azii 1940 g.* [The case of the «Pan-Islamist insurgent organization» in Central Asia in 1940]. *Rossiiskaya istoriya*, 2018, no. 2, pp. 99–110.
11. Guseva YU.N. *Rossiiskii musul'manin v XX veke (na materialakh Srednego Povolzh'ya)* [The Russian Muslim in the XX century (based on the materials of the Middle Volga region)]. Samara, Ofort Publ., 2013, 408 p.
12. Dadonova N.A. *Vovlechenie tatarskikh zhenshchin Irkutskoi gubernii v obshchestvenno-politicheskuyu zhizn' v 1920–1926 gg.* [Involvement of Tatar women of Irkutsk province in social and political life in 1920–1926]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4-4(60), pp. 58–62.
13. *Dekrety Sovetskoi vlasti*. [Decrees of the Soviet government]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, vol. I, 640 p.
14. *Desyatyi s"ezd RKP(b). Mart 1921 goda. Stenograficheskii otchet*. [The Tenth Congress of the Russian Communist Party (b). March 1921. Verbatim report]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, 937 p.
15. Druyan V. *Kem byli «lishentsy»? Kakikh prav oni lishalis'? [Who were the "deprived"? What rights were they deprived of?]*. Available at: <https://dzen.ru/a/Y85zG9cFDaZUlgOv> (Accessed Date: 2024, Dec. 15).
16. Zhiromskaya V.B. *Religioznost' naroda v 1937 godu (po materialam Vsesoyuznoi perepisi naseleniya)* [The religiosity of the people in 1937 (based on the materials of the All-Union population census)]. *Istoricheskii vestnik*, 2000, no. 5(1), pp. 105–114.
17. Zhumaev N.E., Okushova G.A., Smetanina T.A. *Pervaya Sobornaya Krasnaya mechet' Tomskoi oblasti: lyudi i stranitsy istorii*. [The first Cathedral Red Mosque of the Tomsk region: people and pages of history]. Tomsk, Pechatnaya manufaktura Publ., 2015, 179 p.
18. *Izvestiya Sibirskogo byuro TSK RKP(b)* [News of the Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP(b)], 1920, no. 18, Dec. 29.
19. *Izvestiya Sibirskogo byuro TSK RKP(b)* [News of the Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP(b)], 1921, no. 24, March 5.
20. Garifullin I.B., Yarkov A.P. et al. *Islam v istorii i kul'ture Tyumenskogo kraya (v dokumentakh i materialakh)* [Islam in the history and culture of the Tyumen Region (in documents and materials)]. Tyumen, Ehkspress Publ., 2004, 172 p.
21. Yarkov A.P., Garifullin I.B. et al. *Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoi Sibiri: v 3 t. T. 3. Transformatsiya ummy v XIX–XXI vv.* [Islam at the edge of the world. The History of Islam in Western Siberia. 3 vols. Vol. 3: The Transformation of the Ummah in the 19th and 20th centuries]. Moscow, 2015, 443 p.
22. Starostin A.N., Khairtdinov D.Z. et al. *Islam na Urale: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Islam in the Urals: an encyclopedic dictionary]. Moscow, MedinA Publ., 2009, 475 p.
23. *Istoricheskaya ehntsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia. 3 vols.]. Novosibirsk, 2009, vol. 1, 716 p.
24. *Istoriya bashkirskogo Naroda*. [History of the Bashkir people]. Ufa, Gilem Publ, 2010, 468 p.

25. Lugovskaya E.A., comp. *Istoriya religioznykh uchrezhdenii Vostochnoi Sibiri: tematicheskii putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Irkutskoi oblasti*. [The history of religious institutions in Eastern Siberia: a thematic guide to the funds of the State Archive of the Irkutsk region]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, pp. 133–134.
26. Kamenskikh M.S. *Natsional'naya politika v Prikam'e v 1918–1939 gg.: regional'nyi aspekt* [National policy in the Kama Region in 1918–1939: a regional aspect]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2019, 241 p.
27. *Ko vsem trudyashchimsya musul'manam Rossii i Vostoka* [To all the working Muslims of Russia and the East]. Available at: <http://xx-vek-istoria.narod.ru/libr/istochnik/vnpol/mus.html> (Accessed Date: 2024, Dec. 15).
28. Kokoulin V.G., Rakhmatullina A.R. *Tomskaya musul'manskaya obshchina: istoriya i sovremenost'* [Tomsk Muslim community: history and modernity]. Novosibirsk, 2011, 128 p.
29. *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 gg.* [Confessional policy of the Soviet state. 1917–1991]. Moscow, Politicheskaya ehntsiklopediya Publ., 2017, 646 p.
30. *Krasnoe znamya*, 1924, no. 100, Apr. 30.
31. *Medina-al-Islam*, 2008, no. 76, Aug. 26.
32. Merazhov I.Z. *Repressirovannaya mificheskaya musul'manskaya organizatsiya «Gaskeri Ueshma»* [The repressed mythical Muslim organization «Gaskeri Ueshma»]. In: *Repressirovannaya sibirskaya provintsiya: materialy regional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar* [Proc. of the Regional Sci. and Pract. Seminar «The repressed Siberian province»]. Novosibirsk, 2013, pp. 34–40.
33. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Buryatiya*. Fond R-248. Opis' 3. Document 219 [National Archives of the Republic of Buryatia. Archive R-248. Anagraph 3. Document 219].
34. Parfenova S.A. *Shadrinskii okruzhnoi sovet Soyuza Bezbozhnikov* [Shadrinsky district Council of the Union of Atheists]. In: *Shadrinskaya starina. Kraevedcheskii al'manakh* [The Shadrinsky antiquity. Local history almanac]. Shadrinsk, 1994, pp. 52–60.
35. Ponomarenko M.V. *Islam v religioznoi politike Sovetskoi vlasti v pervoi treti XX veka (po materialam Zapadnoi Sibiri)* [Islam in the religious policy of the Soviet government in the first third of the 20th century (based on materials from Western Siberia)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2008, no. 20, pp. 330–344.
36. *Religiya i vlast' na Dal'nem Vostoke Rossii: sb. dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Khabarovskogo kraya* [Religion and power in the Russian Far East: collection of documents from the State Archive of the Khabarovsk Territory]. Khabarovsk, 2001, 400 p.
37. *Sibirskii revolyutsionnyi komitet (Sibrevkom). Avgust 1919 – dekabr' 1925: Sb. dok. i materialov*. [Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom). August 1919 – December 1925. Collection of documents and materials]. Novosibirsk, Novosibirsk Publ. House, 1959, 652 p.
38. *Sledstvennoe delo Patriarkha Tikhona: Sb. dok. po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB RF* [The investigative case of Patriarch Tikhon: Collection of documents. based on the materials of the Central Archive of the FSB of the Russian Federation]. Moscow, 2000, 1016 p.
39. *Sovetskaya Sibir'*, 1926, no. 180(2018), Aug. 8.
40. Sokova Z.N. *Vlast' i islam v 1920-e gody (na primere Tyumenskogo regiona)* [Power and Islam in the 1920s (on the example of the Tyumen region)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2006, no. 7, pp. 211–216.
41. Starostin A.N. *Antiislamskaya deyatel'nost' Soyuza voinstvuyushchikh bezbozhnikov (SVB) na Urale* [Anti-Islamic activities of the Union of Militant Atheists (SVB) in the Urals]. In: *Islam na Urale: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Islam in the Urals: an encyclopedic dictionary]. Moscow, Media Publ., 2009, pp. 36–37.
42. Starostin A.N. *Islam v Sverdlovskoi oblasti* [Islam in the Sverdlovsk region]. Moscow, Logos Publ., 2007, 144 p.
43. Gareev A.G., Tikhomirova R.Sh., Galieva R.S. et al. *Tatarskie sela Novosibirskoi oblasti* [Tatar villages of the Novosibirsk region]. Novosibirsk, 2013, 113 p.
44. *Tyumenskii rabochii*, 1918, no. 46, Apr. 27.
45. Khabutdinov A.Yu. *TSDUM v dni goloda 1921 goda predotvratilo vymiranie naseleniya Povolzh'ya* [Central Spiritual Administration of Muslims prevented the extinction of the population of the Volga region during the famine of 1921]. Available at: <http://muslim-penza.ru/news/1133-----1921-----.html> (Accessed Date: 2024, Dec. 15).
46. Khakimov R.Sh. *Krasnaya zvezda protiv polumesyatsa: protivostoyanie desyatiletii* [The Red Star against the Crescent moon: the confrontation of decades]. Chelyabinsk, Abris-Print Publ., 2013, 711 p.
47. Khakimov R.Sh. *Kunashakskoe delo ili delo № 5439* [The Kunashak case or case No. 5439]. Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ., 2018, 168 p.
48. Shevyrin S.A. *«Bol'shoi terror» v malen'kom sele (repressii 1937–1938 gg. [«The Great Terror» in a small village (repression of 1937–1938 in the history of the village of Koyanovo)]*. In: *Problemy istorii massovykh politicheskikh repressii v SSSR. K 70-letiyu Vsesoznoi perepisi naseleniya 1939 goda: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Proc. of of the VI Int. Sci. Conf. «Problems of the history of mass political repression in the USSR. On the 70th anniversary of the 1939 All-Russian Population Census»]. Krasnodar, Ehkoinvest Publ., 2010, pp. 241–244.

49. Yunusova A.B. *Islam v Bashkortostane* [Islam in Bashkortostan]. Ufa, 1999, 352 p.
50. Yarkov A.P., Starostin A.N., Pavlinova R.N. *Musul'manskie obshhiny Aziatskoi chasti Rossiiskoi imperii v seredine XIX – nachale XX v.: po materialam uchetnykh vedomostei Orenburgskogo magometanskogo duhovnogo sobraniya* [Muslim communities of the Asian part of the Russian Empire in the mid-19th – early 20th centuries: based on the registration records of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly]. Kazan, 2018, 489 p.
51. Pospelovsky D.V. *A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer*. Vol. 1: *A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Anti-Religious Policies*. St Martin's Press, New York, 1987, 325 p.

ALEKSEI N. STAROSTIN – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Russia, Nizhny Novgorod; Associate Professor, Department of Theology, Ural State Mining University, Russia, Ekaterinburg (alisheria@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2703-5364>).

SAIDALI O. SOKHIBOV – Doctoral Candidate, Bulgarian Islamic Academy, Russia, Bolgar; Senior Lecturer, Department of Theology, Ural State Mining University, Russia, Ekaterinburg (saidali72@mail.ru).

Формат цитирования: Старостин А.Н., Сохибов С.О. Формы и практики атеистической антиисламской пропаганды в регионах азиатской части России в 1920-е годы // Исторический поиск / Historical Search. – 2025. – Т. 6, № 1. – С. 47–70. DOI: 10.47026/2712-9454-2025-6-1-47-70.